

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисі.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдельнаго номера 20 к.

ФЛАЖГА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ	8 р. — к.
" 6 мѣсяцевъ	4 " 50 "
" 3 мѣсяца	2 " 50 "

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р. 50 к.
" 6 мѣсяцевъ	5 " — "
" 3 мѣсяца	2 " 75 "

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Нелишняя предосторожность въ наше время.

— Мой взглядъ на это... нѣтъ ли кого у васъ тамъ?
 — Позвольте, я запру прежде дверь.

П Ъ В И Ц А

Она поетъ, и пѣсня льется,
Страстями юга вся дыша;
И мнится, съ пѣсней оборвется
И въ звукахъ къ небу унесется
Пѣвицы пылкая душа.
Пѣвицѣ публика внимала,
Очарованія полна:
Свой трепетъ страстный сообщала
И кровь всѣмъ бурно волновала
Своею пѣснею она.

О, ты, пѣвица нѣжной страсти!—
Межь тѣмъ я думалъ той порой,—
Когда-бъ народныя напасти
Передавалъ намъ голосъ твой,
Когда-бъ съ такимъ-же вдохновеньемъ
Разила ты
И людямъ съ честнымъ убѣждениемъ
Несла ты славу и почетъ!

Тебя тогда-бъ не осыпали,
Быть можетъ, грудами цвѣтовъ;
За то сердца бы трепетали,
За то тѣ пѣсни-бъ подкрѣпляли
Всѣхъ дѣла праваго борцовъ.
О, если-бъ только женщинъ сила
Служила родинѣ всегда,
Давно-бы царство наступило
Свободы труда!..

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРОГУЛКИ

Смерть Дюфора.—Его заслуги.—Долговѣчность современныхъ дѣятелей Европы.—Нигилизмъ въ Европѣ и Америкѣ.

Извѣстіе о смерти Дюфора не произвело особаго впечатлѣнія ни во Франціи, ни тѣмъ болѣе внѣ ея. А между тѣмъ онъ былъ замѣчательный человѣкъ, ужь по тому что онъ въ продолженіи своей жизни шесть разъ былъ министромъ и три раза стоялъ во главѣ кабинета, всегда въ самыя критическія для государства минуты. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ живучихъ, талантливыхъ стариковъ, которые съ неподдѣльною искренностью принесли на службу только-что зарождавшейся, неопытной и безсильной второй и затѣмъ третьей французской республикѣ свои глубокія юридическія познанія, свой опытъ въ государственныхъ дѣлахъ, свое знаніе практической жизни и свои богатые политическіе таланты. Онъ внесъ либеральный элементъ въ безцвѣтное министерство Луи-Филиппа, онъ придалъ законность республикѣ Каваньяка, онъ пытался сдѣлать искренно-демократическою лицемѣрную республику Луи-Наполеона, въ 1871 г. былъ правою рукою Тьера въ основаніи третьей республики и два раза удерживалъ ретиваго Макъ-Магона отъ государственнаго переворота и кровавой расправы съ новорожденною республикою. Самымъ же блестящимъ періодомъ жизни Дюфора должно считать конецъ 50-хъ и начало

60-хъ годовъ, когда оппозиція пробилась себѣ легальный путь къ нападкамъ на наполеоновскую имперію. Тогда Дюфоръ считался первымъ французскимъ адвокатомъ, и судьи до того боялись его, что всегда измѣняли свои предварительныя рѣшенія при одномъ слухѣ, что дѣло будетъ защищать кислый Дюфоръ. Онъ часто пользовался своею выгодною позиціей опытнаго юриста для политическихъ цѣлей. Такъ, въ 1858 г., когда наполеоновское правительство предало суду легитимиста Монталамбера, за печатное восхваленіе преимуществъ англійскихъ свободныхъ государственныхъ учрежденій предъ учреждениями французскими, Дюфоръ, явившись на судѣ защитникомъ обвинявшагося, произнесъ превосходную рѣчь о свободѣ печати. Мы приводимъ здѣсь два маленькихъ отрывка изъ этой рѣчи:

„Что же сдѣлалъ писатель? Онъ рассказываетъ торжественныя пренія, при которыхъ онъ присутствовалъ въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ депутатовъ. Его упрекаютъ, что онъ былъ тронутъ этимъ зрѣлищемъ: но кто же могъ бы при этомъ остаться нечувствительнымъ! Въ палатѣ депутатовъ собраны самыя знаменитыя ораторы, самыя лучшіе государственные люди. За дверями вся Англія тѣснится и благоговѣнно внимаетъ.
„Я понимаю, что мысль не можетъ остаться совершенно безъ всякой узды, что выраженіе ея должно быть заключено въ извѣстные предѣлы. Но эти предѣлы должны быть ясно обозначены, иначе будетъ невозможнымъ всякое проявленіе мысли.

Смерть Дюфора не произвела ни на кого большаго впечатлѣнія, потому что она ожидалась всѣми давно. Онъ умеръ на 84 году жизни, сдѣлавъ все, что можно было ему сдѣлать при своихъ силахъ; и никто не ожидалъ болѣе отъ него чего-нибудь замѣчательнаго, такъ какъ Франція, благодаря усиліямъ его и его друзей, пошла далеко впередъ и не нуждается болѣе въ людяхъ того разряда, къ которому принадлежалъ—въ послѣднее время отставшій отъ вѣка—Дюфоръ. Тоже можно сказать о двухъ другихъ замѣчательныхъ людяхъ, которыхъ также недавно потеряла Франція. Литре умеръ на 81 году жизни, а Эмиль-де-Жирарденъ—79 лѣтъ.

Нравоученіе. Во-истину счастливъ тотъ народъ, у котораго лучшихъ людей не заѣдаетъ среда во цвѣтѣ лѣтъ, у котораго много свѣтлыхъ личностей, прошедшихъ благополучно предѣлъъ человѣческой жизни...

Несравненно большую сенсацію произвела телеграмма о покушеніи на жизнь президента сѣверо-американскихъ штатовъ, Гарфильда. Всѣ вояжирующие по Европѣ взбудоражились. „Вы только скажите, гдѣ теперь нѣтъ нигилистовъ и куда они не взобрались! восклицалъ одинъ изъ нихъ съ отчаяніемъ. Они взяли въ руки даже кн. Бисмарка, этого прославленнаго желѣзнаго человѣка, теперь превратившагося въ пѣшку социаль-демократовъ; загляните въ Англію, въ палату общинъ,

послушайте, что говорить, напримеръ, депутатъ Лабушеръ, открыто совѣтующій болгарамъ учредить у себя республику, потому что при ней содержаніе властей обходится государству дешевле. А въ Болгаріи, продолжалъ восклицать онъ,—бывшіе министры до того забунтовались, что 99 деревень готовы учинить смуту; Америкѣ ужь самъ Богъ велѣлъ революціонить, такъ какъ тамъ настоящее гнѣздо всевозможныхъ смуть... Впрочемъ, „надо отдать честь султану и его нынѣшнимъ совѣтникамъ. Дѣло преступной интриги и измѣны, создавшей искусственную революцію въ Турціи, призвавшей учащуюся молодежь къ неслыханнымъ въ Стамбулѣ уличнымъ демонстраціямъ, увѣнчавшееся цареубійствомъ и парламентскою комедіей, не осталось безъ правосудія. Истинные виновники найдены и, несмотря на ихъ высокое положеніе, несмотря на всѣ возраженія Шейхъ-Юль-Ислама, были публично судимы и приговорены къ смертной казни“ *).

Однакожь предсказаніе относительно распространенія политическихъ лжеученій въ Америкѣ оказалось неосновательнымъ. Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что покушавшійся на жизнь президента сѣверо-американскихъ штатовъ субъектъ оказался сумашедшимъ.

Езопъ.

* * *

Да, хорошее времячко было
Въ прошломъ вѣкѣ для русскихъ пѣвцовъ,

Хоть судьба и тогда имъ дарила
Иглы тернія въ кругъ ихъ вѣнцовъ!
«Поэтическихъ вольностей» масса
Въ вольнодумномъ томѣ вѣкѣ была,
И поэты, сѣдая Пегаса,
Принимали его за осла:

«Все снесетъ онъ!» они говорили
И, неся вдохновенную дичь,
Такъ легко на Парнасъ восходили,
Что нельзя намъ того и постичь!
Нынѣ-жъ даже и лучшимъ поэтамъ
Престарѣлый не внемлетъ Пегасъ,
А хромымъ отягченный куплетомъ
Ни за что не взойдетъ на Парнасъ!..
Да, хорошее времячко было
Въ прошломъ вѣкѣ для нашихъ пѣвцовъ,
Хоть не разъ и подъ палками выла
Муза *первыхъ російскихъ творцовъ.*

А. Левъ.

ПО СЛУЧАЮ КОМЕТЫ

3 часа ночи. Двое юношей подъѣхали на фаэтонѣ; слѣзли.

— Эхъ, мелочи нѣтъ-ли у тебя?

— А ты подожди платить: можетъ быть, сейчасъ комета на насъ наскочитъ—тогда все равно не стоитъ.

* * *

*) С м. „Моск. Вѣд.“ № 168.

Два чиновника—оптимистъ и пессимистъ.
Первый. Къ чему эта комета? Ужь не прикажутъ ли впредь быть два раза двадцатому числу въ мѣсяцъ?

Пессимистъ. Нѣтъ, это значить, что въ этомъ году всѣ мы останемся безъ награды.

**

Двое изъ интеллигенціи.

Оптимистъ. Вотъ и комета явилась. Не указываетъ ли это на то, что Болгарія отстоитъ свою конституцію?

Пессимистъ. А я такъ думаю, что комета предвѣщаетъ, что болгаре вмѣсто конституціи получаютъ экзекуцію.

Подслушалъ

Юсь.

„ФИГАРО“ О СВѢТОПРЕСТАВЛЕНІИ

Леонардъ Аретино, итальянскій пророкъ 14-го вѣка, предсказалъ конецъ міру на 15 ноября 1881 г., говоря, что онъ продлится 15 дней. Вотъ точная программа катастрофы, ожидающей насъ черезъ пять мѣсяцевъ:

- 1) Море выйдетъ изъ береговъ.
 - 2) Вода проникнетъ въ почву.
 - 3) Смерть всѣхъ рѣчныхъ рыбъ.
 - 4) Смерть всѣхъ морскихъ животныхъ.
 - 5) Смерть всѣхъ птицъ.
 - 6) Разрушеніе всѣхъ домовъ.
 - 7) Паденіе всѣхъ скалъ.
 - 8) Общее землетрясеніе.
 - 9) Всѣ горы обрушатся.
 - 10) Всѣ люди сдѣлаются нѣмыми.
 - 11) Раскроются всѣ могилы.
 - 12) Дождь звѣздъ.
 - 13) Смерть всѣхъ мужчинъ и женщинъ.
 - 14) Истребленіе неба и земли огнемъ.
 - 15) Общее воскресеніе и послѣдній судъ.
- Итакъ, мы умремъ 26 ноября, и намъ придется ждать послѣдняго суда всего два дня.

ЗАМѢТКИ О ЖЕНЩИНАХЪ

Наединѣ съ незнакомымъ мужчиной женщина говоритъ громко; съ тѣмъ, кто неравнодушенъ къ ней—вполголоса; съ любимымъ ею—она безмолвствуетъ.

**

Туалетъ — предисловіе къ женщинѣ, а иногда—и вся книга.

**

Женщина оплакиваетъ мертвыхъ лишь для того, чтобъ растрогать живыхъ.

**

Въ грусти женщины читай объявленіе: здѣсь ищутъ утѣшителя.

**

Одного больного спросили: не боится ли онъ, что послѣ его смерти жена его выйдетъ замужъ. О,—воскликнулъ больной,—я тогда умеръ-бы съ увѣренностью, что хоть одинъ человекъ на свѣтѣ искренно пожалѣетъ о моей смерти!

**

Истинно добродѣтельна только та женщина, которая сама этого не знаетъ.

**

Женщина—это раковина въ жемчужинѣ. Даже исключенія изъ женщинъ—и тѣ никогда не походятъ на жемчужину въ раковинѣ.

**

Когда мужчина говоритъ о женщинахъ дурно вообще, то онѣ встаютъ противъ него; если онъ осуждаетъ одну, то всѣ онѣ вторятъ ему.

**

Женщина никогда не заботится о томъ, что она дѣлаетъ, или думаетъ, и всегда заботится о томъ, что говорить.

Перевелъ и записалъ

Иванъ—да—Марья.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

Утромъ я встаю съ вопросомъ:

Ты придешь, иль нѣтъ?

А подъ вечеръ отвѣчаю:

И сегодня нѣтъ!

**

И всю ночь съ моимъ страданьемъ
Я безъ сна лежу;

Днемъ же—полонъ грезъ о милой—
Какъ во снѣ жожу.

Иванъ—да—Марья.

N. N.

(изъ Гейне)

Меня вы рѣдко понимали

И рѣдко понималъ васъ я.

Когда-жъ вдвоемъ мы разъ упали,—
Я понялъ васъ, а вы—меня!..

Иванъ—да—Марья.

ОНЪ И ОНА

Онъ стоялъ передъ ней и смотрѣлъ на нее глазами полными слезъ.

Она на него не глядѣла и была молчалива какъ скала.

Онъ смотрѣлъ на нее, и губы его шептали безсвязныя рѣчи, онъ задавалъ ей какіе-то вопросы...

Она не отвѣчала.

Онъ отдалъ бы полжизни за одно ея слово, но она молчала.

А цвѣты сирени благоухали вокругъ ихъ, ручей шумѣлъ и нашептывалъ таинственную сагу про мирный край, откуда неся онъ, соловьи въ рошѣ заливались...

Для него и для нея все это не существовало.

Наконецъ онъ опустился передъ нею на колѣно, вынулъ изъ кармана книгу съ бѣлыми листами и сталъ чертить ея портретъ;

взглядъ его перебѣгалъ отъ ея стройной фигуры къ бѣлымъ листамъ бумаги и сверкалъ восторгомъ; она на него не глядѣла, ей было все равно: счастья его она не замѣчала, радости не раздѣляла...

Онъ былъ археологъ.

Она—этресская ваза.

Юсь.

НАСЪ СПРАШИВАЮТЪ

Правда ли, что сотрудники „Фаланги“ сотрудничаютъ и въ „Минутѣ“?

Если это не правда, то чѣмъ объяснить появленіе въ „Минутѣ“ стихотворенія „Карты“, за подписью „Иванъ-да-Марья“ каковой псевдонимъ появляется и на страницахъ „Фаланги“?

Чтобы постоянные сотрудники „Фаланги“ писали въ „Минутѣ“, это также невозможно, какъ и обратное, т. е. чтобы сотрудники „Минуты“ писали въ „Фалангѣ“. Мы до такого срама не дошли и не дойдемъ... Все же дѣло въ томъ, что „Минута“ перепечатала „Карты“ изъ № 22 „Фаланги“, отъ 7-го іюня, и оставивъ подпись „Иванъ-да-Марья“, умолчала, что стихотвореніе перепечатано изъ нашего журнала.

За это мы требуемъ «удовлетворенія» отъ редактора „Минуты“... Мы будемъ удовлетворены, если онъ перепечатаетъ изъ № 21 „Фаланги“ четверостишіе, начинающееся словами:

Столбецъ онъ пишетъ за столбцомъ, и т. д.

*

**

Правда ли, что одесская полиція высматриваетъ изъ Одессы всѣхъ тѣхъ лицъ, которые были осуждены за участіе въ беспорядкахъ и отбыли присужденное наказаніе?

Если это правда, то не усматривается ли въ этомъ двухъ наказаній: одного по суду, а другаго въ предупрежденіе.

Правда ли, что въ Уфимской губерніи, башкирь, за отказъ ихъ продавать свои земли, слѣдователь и мировой посредникъ отдавали подъ судъ?

Если это правда, то не пора-ли, чтобъ роли ихъ перемѣнились въ обратномъ отношеніи?

Правда ли, что членъ казанскаго окружнаго суда Савицкій, возставшій противъ предсѣдательской непогрѣшимости, приговоренъ казанской палатой за это „возстаніе“ къ двухъ-недѣльному аресту на гауптвахтѣ?

Если это правда, то что сдѣлали съ предсѣдателемъ, желавшимъ быть въ казанскомъ судѣ тѣмъ, чѣмъ папа римскій—въ Ватиканѣ?

— Помоги, братъ, тону!
— Повремени малость, — самому не въ могу...

КУРСЪ МАТЕМАТИКИ.

Дѣлимое и дѣлители съ частнымъ.

Приведеніе къ одному знаменателю.

Возвышеніе въ степень.

Извлеченіе корня.

ИЗЪ КАКОГО-ТО НѢМЕЦКАГО ПОЭТА

Какъ боролся самъ ты въ жизни,
Какъ боролся твой народъ,—
Все рисуй, поэтъ, но помни:
Время многое сотретъ.

**

Бой кипитъ—и шой ты смѣло
Святость смертнаго огня!..
Но молчи, когда громъ битвы
Пересталъ быть злобой дня!..

**

Молодое поколѣнье,
Сжавъ плоды твоихъ побѣдъ,
Только „зрѣлице“ увидитъ
Въ грозныхъ битвахъ прежнихъ лѣтъ.

**

Только тѣ изъ нашихъ пѣсенъ
Прозвучать, быть можетъ, вновь,—
Гдѣ поэта вдохновляли
Богъ, природа и любовь!

Ив. Тх—скій.

ВСТРѢЧА

(изъ дневника средняго человѣка)

...Я сидѣлъ въ канцеляріи, когда вошелъ сторожъ и доложилъ, что какой-то господинъ меня спрашиваетъ... Я взволновался... „Чортъ его знаетъ, кто можетъ быть этотъ „какой-то господинъ“, подумалъ я, и зачѣмъ онъ пришелъ именно ко мнѣ и именно теперь, въ три часа, въ обѣденный часъ“... Въ наше время, когда развелось такъ много этихъ „какихъ-то господъ“, которые главнымъ образомъ для того и созданы, чтобы вдругъ приходиться и заставать врасплохъ, всякое появленіе неизвѣстнаго человѣка въ неурочный для пріемовъ часъ должно, разумѣется, волновать... Къ счастью, въ канцеляріи кромѣ меня никого уже не было... Одинъ я, послучаю громаднаго количества „пришедшихъ“ бумагъ, машинально скрипѣлъ перомъ, безостановочно выводя: „получ. 22 мая 1881 г.“, „получ. 22 мая 1881 г.“, „получ. 22 мая 1881 г.“ и т. д., и т. д., и т. д... Разговаривать съ „какимъ-то господиномъ“ съ глазу на глазъ, разумѣется, гораздо безопаснѣе, по этому я рѣшительно сказалъ сторожу «проси».

Въ канцелярію вошелъ человѣкъ лѣтъ 35, блондинъ, высокій, въ усахъ, прилично одѣтый... Большіе сѣрые глаза смотрѣли пылливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то немного испуганно...

— Не узнаешь? произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку.

— Кравцевъ! вскрикнулъ я, узнавъ въ немъ своего университетскаго товарища, съ которымъ мы разстались сейчасъ-же послѣ окончанія курса и не видѣлись десять лѣтъ. Мы расцѣловались и сѣли другъ противъ друга. Нѣсколько секундъ мы молча смот-

рѣли одинъ на другаго радостнымъ, добрымъ, свѣтлымъ взглядомъ...

Кравцевъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей моихъ... Года два мы съ нимъ жили въ одной комнатѣ, дружно раздѣляя и радости и невзгоды студенческой жизни... Я съ любовью всматривался теперь въ знакомыя черты, которыя, какъ бы выливались передо мной, постепенно разсѣвая окружавшую ихъ темноту... Вотъ и губы тѣ, знакомыя, хорошія губы, и эта складка у лѣваго угла рта и родинка подъ правымъ глазомъ...

Сколько вспомнилъ въ одно мгновеніе мой умъ при видѣ этихъ неизмѣнившихся чертъ. Вспомнилось веселое, привольное, честное время—время безкорыстнаго труда, время розовыхъ надеждъ, чистыхъ упованій и смѣлаго протеста... Какъ, бывало, лупили мы вотъ съѣтимъ самымъ Кравцевымъ пѣшкомъ, въ 20 градусовъ морозу, съ Петербургской стороны да прямо въ двѣнадцатую роту Измайловскаго полка, лупили въ вѣтреныи зимній вечеръ только для того, чтобы побывать на сходкѣ технологовъ и поговорить тамъ о... о... о... А чортъ его знаетъ, чѣмъ онъ теперь сдѣлался этотъ Кравцевъ!..

Вѣдь 10 лѣтъ не шутка!.. Быть можетъ, потому-то онъ именно и пришелъ ко мнѣ, что знаетъ разныя мои эти тогдашнія фантазіи... Положимъ, и я его фантазіи знаю, да вѣдь все таки кто его знаетъ!.. Вѣдь 10 лѣтъ, нашего времени 10 лѣтъ!!!

Ясно почувствовалъ я, какъ въ эту самую минуту въ моемъ взорѣ, во всемъ лицѣ моемъ должна была отразиться безпокойная недовѣрчивость... Сердце мое дрогнуло, когда я ту-же мгновенную перемену, то-же тревожное чувство увидѣлъ въ устремленныхъ на меня глазахъ Кравцева... Мы оба бросили другъ на друга заключительный, косой, полный оскорбительнаго подозрѣнія взоръ и затѣмъ оба сконфуженно отвернулись.

„Вѣдь товарищъ, единомышленникъ, другъ, закадычный другъ..“ носилось гъ головѣ моей, и краска стыда выступала на лицо.. „А чортъ его знаетъ!“—настойчиво повторялъ въ то-же самое время внутри меня до омерзения трусливый шепотъ... Нѣсколько секундъ томительнаго молчанія порядкомъ таки погрызли мнѣ сердце.

— Ты, кажется, на службѣ порядочно устроился,—первый прервалъ молчаніе Кравцевъ...

— Да, ничего.. вотъ порядочное мѣсто занимаю, отвѣчалъ я, указывая рукою на столъ съ бумагами.

Глаза мои упали на недоконченную надпись: „получ. 22 мая 18..“ и почему-то вдругъ опять какъ-то неловко стало...

— Вѣдь и ты тоже..., нерѣшительно началъ я...

— Служу, служу, какъ же, служу,—поспѣшилъ отвѣчать Кравцевъ какимъ-то особенно громкимъ голосомъ; 10 лѣтъ учителемъ

былъ въ Прирѣченской классической гимназіи. Преподавалъ латинскій языкъ. Теперь вотъ сюда перевели. И тутъ буду латинскій языкъ преподавать и греческій тоже... У меня вѣдь и чинъ уже... Онъ замолчалъ. Я рѣшился мелькомъ взглянуть на него и увидѣлъ на лицѣ его выраженіе безпокойной конфузливости, то самое, которое навѣрно должно было ярко отражаться и на моемъ лицѣ.

Опять нѣсколько секундъ молчанія...

— Ну, какъ ты здѣсь время проводишь? Весело ли живешь? спросилъ Кравцевъ.

— Такъ себѣ, изо дня въ день—отвѣчалъ я—такое вѣдь тяжелое теперь время!..

Я изъ-подлобья взглянулъ на него.

— Да, да... Дѣйствительно тяжелое,—отвѣчалъ онъ и тоже изъ-подлобья взглянулъ на меня...

Мы очевидно съ осторожностью начали ощупывать другъ друга.

— Читаешь что-нибудь—боязливо пощупалъ Кравцевъ.

— Читаю, отвѣчалъ я нерѣшительно. А ты читаешь?

— И я читаю.

Мы оба вздохнули, какъ бы почувствовавъ маленькое облегченіе.

— Что же ты именно читаешь? Какія именно газеты? немного смѣлѣе опять пощупалъ Кравцевъ.

На этотъ разъ я смутился, заволновался и, не отвѣчая, только безпомощно моргалъ глазами. Какой-то настойчивый внутренней голосъ говорилъ мнѣ: „Отвѣчай «Московскія Вѣдомости» и «Минуту», а то пропадешь“, и говорилъ этотъ голосъ такъ рѣзко и настойчиво, что я вдругъ сразу позабылъ названія всѣхъ остальныхъ русскихъ газетъ. Между тѣмъ назвать именно эти газеты не хватало духу... Какое-то неопредѣленное чувство гадливости останавливало. Нѣсколько секундъ я продолжалъ безпомощно волноваться, но вдругъ мой умъ просіялъ...

— „Иллюстрацію“, почти крикнулъ я, и какъ бы камень спалъ съ моей души.

— И я тоже, и я, опять поспѣшилъ заявить Кравцевъ;—знаешь, въ ней, хоть въ краткомъ видѣ, но болѣе или менѣе все помѣщается. Ну а, напимѣрь, какъ у васъ тутъ?.. эту, какъ ее?.. Страну“, напимѣрь, «Порядокъ», „Отечественныя Записки“ читаютъ?

— Да, т. е... разумѣется, не безъ того... и я иногда просматриваю, но... собственно я... я больше Иллюстрацію...

— Ну а «Московскія Вѣдомости», «Минуту»? читаешь?—спросилъ Кравцевъ дрожащимъ голосомъ.

— Да... только, собственно, зачѣмъ же?.. Вѣдь «Иллюстрація»-то все-таки лучше..., рѣшился я замѣтить, устремивъ на Кравцева безпомощно-безпокойный, вопрошающій взглядъ...

— Лучше, голубчикъ, лучше... Гораздо, гораздо лучше!.. Отвѣчалъ онъ съ какою-то особенною горячностью.

Олять нѣсколько секундъ молчанія. Мои глаза машинально опустились на лежавшій передо мною листъ „пришедшей“ бумаги и прочли наверху ея: „Получ. 22 мая 18...“, а съ боку сдѣланную моею рукою надпись „къ свѣдѣнію и руководству“.

Кравцевъ всталъ.

И это—встрѣча послѣ 10 лѣтъ разлуки, встрѣча двухъ друзей... закадычныхъ! подумалъ я, и сердце мое облилось кровью. Я молча подалъ руку Кравцеву. Онъ крѣпко, крѣпко пожалъ ее... Я взглянулъ на него... Онъ смотрѣлъ на меня... Онъ смотрѣлъ съ такимъ искреннимъ, добрымъ сожалѣніемъ, съ такимъ грустнымъ упрекомъ, что слезы вдругъ градомъ полились изъ глазъ моихъ. Мы оба зарыдали, обнявъ другъ друга. Тутъ только мы поняли, какъ мы лгали другъ передъ другомъ, какъ глубоко оскорбили другъ друга!..

То были хотя облегчающія сердце, но горькія, разрывающія душу на части слезы несчастныхъ, слезы запуганныхъ, истрепанныхъ и въ конецъ задавленныхъ людей!..

Г—овъ.

ПѢСНИ И РОМАНСЫ ГЕЙНРИХА ГЕЙНЕ

„Katzen-Jammer“.

Эти сѣрые и мутные туманы
Поднялись изъ моря наслажденья,
И сегодня, видно, я за то страдаю,
Что вчера былъ счастливъ до забвенья.

Ахъ, зачѣмъ же нектаръ превратился
Въ горькій ядъ? и тяжело мнѣ и жутко,
И меня ужасно беспокоитъ
Katzen-Jammer сердца и желудка.

Ахъ, пѣсню старую, другъ милый,
Зачѣмъ затягиваешь вновь?
Ты, какъ на лицахъ насѣдка,
Привыкъ высиживать любовь.

Исторія одна и та-же:
Разбивъ скорлупку стѣнъ своихъ,
Пищать и мечутся циплята,
А ты въ стихи сажаешь ихъ.

С.-Петербургъ.

Дм. М—въ.

ПЯТИГОРСКЪ

(корреспонденція „Фаланги“)

Текущій бальнеологическій сезонъ можно характеризовать коротко: *мало больныхъ, много дождей, еще больше врачей.* Мы

нисколько не грустили-бы о томъ, что чающихъ изцѣлиться на нашихъ водахъ, сравнительно съ прошлыми годами, маловато; напротивъ, какъ незаподозрѣнные патріоты, мы объяснили бы это отпадывъ явленіемъ—уменьшеніемъ на Руси разныхъ врожденныхъ и благопріобрѣтенныхъ болячекъ, и уповали бы на то, что съ тѣлеснымъ оздоровленіемъ подымется на нѣсколько градусовъ и наше нравственное благодушіе. Но „если-бы, да когда-бы“! На самомъ-же дѣлѣ, къ сожалѣнію, выходитъ чортъ знаетъ что! Наши соотчичи многими тысячами удираютъ на разные заграничныя *минерашки*, изъ которыхъ въкоторыя, даже прославленныя, гораздо менѣе минерализованы, чѣмъ нашъ никуда негодный Подкумокъ. И несмотря на все это, несмотря даже на всѣ гласныя и негласныя зазыванія, россияне бѣгутъ въ долину Рейна, въ труппы Альпъ, на берега швейцарскихъ озеръ, гдѣ, говорятъ, живетъ имъ куда много лучше, чѣмъ на минеральныхъ группахъ кавказскихъ водъ.

Не удивляемся и обилію дождей, ибо видимъ въ этомъ искреннее (чуть не сказалъ патріотическое) желаніе природы омыть насъ отъ всякія скверны..

Теперь—о врачахъ, съ нихъ слѣдовало-бы и начать, чтобы не злоупотреблять терпѣніемъ ученыхъ мужей, для которыхъ время бальнеологическаго сезона по истинѣ капиталъ, земная манна. Добрый процентъ ея падаетъ на тѣхъ врачей, которые, пріѣхавъ на кавказскія минеральныя воды полечиться отъ собственныхъ болѣзней, порѣшили, ради личныхъ экономическихъ расчетовъ, въ тоже время лечить и другихъ, совершенно забывая мудрое изрѣченіе „*врачу, исцѣлился самъ*“. Эти вновь пріѣзжающіе эскулапы громко рекламируютъ себя специалистами по разнымъ болѣзнямъ, практиками-бальнеологами. Насколько такое безцеремонное отношеніе къ лечащейся публикѣ можетъ быть оправдано научно и полезно для довѣрчивыхъ пациентовъ—нетрудно догадаться. Неотвергаемъ, конкуренція и специальность чрезвычайно важны во всякомъ дѣлѣ; но то и другое, въ особенности въ научныхъ вопросахъ, должно выражаться въ иной формѣ, а не исключительно въ паразитныхъ и эксплуататорскихъ инстинктахъ прожить на чужой счетъ, окупить дорогостоящій лечебный курсъ на водахъ карманами своихъ наивныхъ пациентовъ. Для того, чтобы уснѣшно практиковать (въ смыслѣ приносить пользу больнымъ) на минеральныхъ водахъ, врачъ, помимо общаго образованія и спеціальныхъ врачебныхъ знаній, долженъ прежде всего изучить всѣ (?) мѣстныя естественныя условія въ районѣ водъ, основательно познакомиться съ физико-химическою природою послѣднихъ, спокойнымъ наблюденіемъ неторопливо провѣрить бальнеологическіе методы. А этого-то и не достааетъ большинству

объявившихъ себя лечителями въ настоящій сезонъ.

Спрашиваемъ, наконецъ, какую пользу можетъ принести лечащимся въ Желѣзноводскѣ такой врачъ, который самъ чуть-ли не въ первый разъ изволилъ пожаловать туда? Мы хорошо понимаемъ, что, поселившись въ домъ своего принцепала и, можетъ быть, столуясь у него, группный эскулапъ ничего не будетъ стоить контрагенту, но развѣ въ этомъ цѣль *обязательнаго приглашенія хорошо подготовленныхъ группныхъ врачей?* Нѣтъ сомнѣнія, что группнаго врача несвѣдущаго и незнакомаго съ природными мѣстными условіями не спасутъ отъ массы невольныхъ ошибокъ и пресловутыя очередныя контрагентскія консультаціи; такъ какъ не секретъ, что въ основаніи этихъ коллегіальныхъ совѣщаній осталась только внѣшняя казенная форма, да денежный сборъ.

Недавно въ № 6 „Листка для посѣтителей“ появилась статья-реклама о Кисловодскѣ. Судя по тексту этого заявленія, каждый больной можетъ прійти къ роковому заключенію, что Кисловодскъ съ его нарзаномъ—обоюдоострое оружіе. Въ немъ, изволите видѣть, вслѣдствіе *спеціального вліянія высоты* (темна вода въ облацѣхъ) *организмъ безъ всякой усталости работаетъ*, отчего дѣлается до-того *легкимъ*, что требуетъ совершеннаго покоя и *усиленнаго питанія*, чтобы не только не улечься, но снова заставить силами работать *на ногахъ*. Смыслъ-же этой нелогичной *фабулы—къ намъ, къ намъ, къ намъ!* Но мы позволяемъ себѣ при этомъ припомнить предсмертный экспромтъ забытаго поэта:

„Нашъ Кисловодскъ какъ разъ удружить,
„Васъ заманитъ обиліемъ водъ,
„Нарзана газами задушить
„А экипажами добьетъ!..“

Вотъ это *знать и игнорировать* едва-ли позволительно, г. группный врачъ!..

Для контрагента такіе врачи, конечно, находка и притомъ очень выгодная. За всѣ ихъ услуги онъ не платитъ имъ ни гроша изъ своихъ многотысячныхъ сезонныхъ доходовъ. А было время, при контрагентствѣ Новосильцева и директорствѣ Смирнова, когда группные врачи получали по 2 и по 3 тысячи, за что обязывались заниматься не исключительно практикою улавливанія пациентовъ, а слѣдить за санитарною обстановкою ввѣренныхъ имъ группъ, изучать физиологію минеральныхъ источниковъ, характеръ и степень ихъ вліянія на оздоровленіе больныхъ и ежегодно публиковать свои научныя наблюденія. Теперь ничего подобнаго нѣтъ; допѣвающій свю пѣсню контрагентъ служить другимъ временамъ, старается ловить иныхъ птицъ, почему и принужденъ выслушивать отъ больныхъ неособенно гармоническія мелодіи.

Пора кой-что сказать и о тѣхъ изъ старѣйшихъ врачей-бальнеологовъ, которые, забываясь больными, иногда болѣе 400 чело-вѣкъ, едва-ли помнятъ исторіи болѣзней своихъ пациентовъ и сдѣланныя имъ бальнео-терапевтическія назначенія; при такой массѣ пациентовъ немудрено не только забыть фамилии послѣднихъ, но невѣдать даже, на какой группѣ по цѣлымъ недѣлямъ живутъ нѣкоторые изъ нихъ. И мы смѣло утверждаемъ, что при естественной раз-версткѣ времени курсоваго періода, у старѣйшихъ бальнеологовъ сутки должны продолжаться не 24 часа, а по меньшей мѣрѣ 48; по чему нельзя не предположить, что наша планета оказываетъ мудрецамъ-бальнеологамъ исключительное вниманіе, двигаясь вокругъ своей оси вдвое медленнѣе, чѣмъ для простыхъ смертныхъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что отвѣчать вполне научно, съ пользою, на разнообразнѣйшіе запросы 400 больныхъ-недужныхъ, разбросанныхъ на всѣхъ четырехъ группахъ, нужны силы титаническія! Но чего, конечно, не можетъ дать природа, въ чемъ отказываетъ человѣческій разумъ, то съ избыткомъ вознаграждается слѣпымъ довѣріемъ лечащихся и разными случайностями мгновенія, а затѣмъ,

остаётся только наплевать на общественное мнѣніе...

На-счетъ специальностей у насъ тоже—столпотвореніе вавилонское. Мы, напримѣръ были свидѣтелями, такихъ сюжетцевъ: пріѣзжій профессоръ-хирургъ принималъ больныхъ и консультировалъ не только по своей профессіи, но и по всѣмъ другимъ раз-вѣтвленіямъ многотомной практической медицины. Очевидно, званіе *профессора* являлось вывѣскою, на которой люди непредубѣжденные могли читать: къ намъ, къ намъ, къ намъ! Нѣтъ сомнѣнія, нѣмецъ-профессоръ слѣдовалъ извѣстному совѣту Мефистофеля:

„А чтобъ избѣгнуть нареканья,
„Вамъ надобно себя *титоломъ* оградить
„И хоть до времени таить
„Подъ видомъ скромности нескромныя
желанья“.

Что на общественное мнѣніе у насъ, какъ говорится, хотя бы *начихать*, въ томъ во-очію убѣждаютъ безпорядки, заведенныя все тѣмъ же *любезно-обязательнымъ* контрагентомъ въ пятигорскомъ казенномъ саду. Какъ извѣст-но, этотъ роскошный садъ былъ истиннымъ Эльдорадо не въ далекомъ прошломъ. Те-перь-же тѣнистый, цвѣтушій, ассенизиро-

ванный уголокъ представляетъ полное запущеніе и разрушеніе. Подъ *просвѣщеннымъ* и *заботливымъ* контрагентствомъ садъ сдѣ-лался пріютомъ лихорадокъ, заросъ бурья-номъ и обнищаль.

Заканчиваемъ настоящую корреспонденцію пожеланіемъ тому № „Фаланги“, въ кото-ромъ на свѣтъ Божій явится наше посланіе неисчезать съ библиотечнаго стола, открытаго (по контракту) для публики, что обычно практикуется съ тѣми №№ журналовъ, въ которыхъ заходитъ рѣчь о прославленной, всероссійской, благотворной дѣятельности контрагента кавказскихъ водъ.

12 іюня.

Ты.

Разгадка ребуса, помѣщеннаго въ № 22
„Фаланги“.

Наше общество все радо,
Слышенъ крикъ со всѣхъ сторонъ:
Есть у насъ Эльдорадо
И семейный Демидронъ.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ОТЪ КОНТОРЫ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ФАЛАНГА“.

Подписчики „Фаланги“, переѣзжающіе на дачи, приглашаются заявить объ этомъ редакціи, съ обозначеніемъ новаго адреса и доплатой 25 коп. за пересылку имъ журна-ла по почтѣ.

ГАЗЕТНОЕ АГЕНТСТВО

В. ШАВЕРДОВА

ВЪ ТИФЛИСѢ.

ОТКРЫТА РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

мѣстныхъ и столичныхъ газетъ на дачное время въ Куджорахъ въ павильонѣ Шахъ-Азизова и въ Боржомѣ при конторѣ мине-ральныхъ водъ. (Ш).

КУТАИСЪ

ВЪ НОВООТКРЫТОМЪ МАГАЗИНѢ
наслѣдниковъ

ИВАНА НИКОЛАДЗЕ

продаются всевозможные, исключительно за-граничные товары до 25% дешевле, чѣмъ въ другихъ магазинахъ. Тамъ же продаются №№ журнала „Фаланга“. 1—1.

ОТКРЫТА ПОЛУГODOВАЯ ПОДПИСКА

СЪ 1 ІЮЛЯ ПО 1 ЯНВАРЯ 1882 Г.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ФАЛАНГА“

выходящій въ г. Тифлисѣ еженедѣльно по воскресеньямъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Съ доставкою на домъ—4 р. 50 к., съ разсылкою по имперіи—5 р.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, въ гор. Тифлисѣ, на Эриванской пло-щади, въ домѣ Харазова, № 3.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ.

Лица, подписавшіеся на «Фалангу» съ 1-го іюля по 1-е января а также всѣ годовые подписчики (кромѣ подп. «Тифл. Вѣстн.»)—получать „Альбомъ ри-сунковъ (6) къ послѣднимъ сатирамъ (1881 г.) Щедрина“ М. М. Чемоданова.

МАШИНЫ

ДЛЯ ВЫДѢЛЫВАНІЯ ВЪ 10 МИНУТЪ ЛЬДА

СО ВСѢМИ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ

ВЪ МАГАЗИНѢ

ИВАНА ПИТОВЕВА.